

ИЗЪ НИЖЕГОРОДСКАГО ПРОШЛАГО.

О М. Горькомъ.

Въ послѣднее время на страницахъ „Волга-ря“ появилось не мало матеріала для біографіи М. Горькаго, въ видѣ различныхъ воспоминаній. При этомъ почти совершенно не упоминалось о жизни его въ 1893—94 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ въ качествѣ письмоводителя у присяжнаго повѣреннаго, нынѣ покойнаго, А. И. Ланина. Между тѣмъ, пребываніе въ домѣ этого образованнаго, культурнаго человѣка, пользование его обширной бібліотекой и общеніемъ съ нимъ имѣло, несомнѣнно, громадное вліяніе на развитіе М. Горькаго.

Первый рассказъ Горькаго, изъ напечатанныхъ въ большихъ журналахъ, былъ „Ошибка“, помѣщенный въ „Русской Мысли“ 1894—95 года Гольцевымъ, которому А. И. Ланинъ горячо рекомендовалъ молодого писателя. Доброе знакомство и культурное общеніе съ А. И. Ланинымъ не прерывалось и позже въ 1900—1901 г.г., когда М. Горькій опять поселился въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Въ началѣ ноября 1901 года стало извѣстно, что Горькаго намѣревались выслать изъ Нижняго, и онъ собирался уѣхать въ Крымъ. Въ это же время случился студенческій вечеръ отъ „общества поощренія высшаго образованія“, и Горькій присутствовалъ на немъ, стоя на хорахъ. Актеръ мѣстной труппы художественно прочелъ „Буревѣстника“, поднялся неистовый шумъ, громъ аплодисментовъ; публика стала смотрѣть наверхъ и вызывать автора, съ мрачнымъ видомъ прислонившагося къ дверному косяку; такъ какъ шумъ не прекращался, то друзья стали просить Горькаго сойти внизъ; онъ, видимо, колебался, затѣмъ, быстро, не мѣняя своего мрачнаго вида, сбѣжалъ съ лѣстницы и появившись на эстрадѣ въ своей черной блузѣ, внятно произнесъ: „глупо, господа“, и, мотнувшись, исчезъ. Публика отъишла, кто-то, что-то крикнуть, но быстро начали слѣдующій номеръ программы и дѣло тѣмъ и кончилось.

5-го ноября, по случаю отъѣзда М. Горькаго, мѣстная интеллигенція, послѣ большихъ разговоровъ съ начальствомъ, устроила въ одной изъ гостинницъ на Нижнемъ базарѣ скромный „банкетъ“. Горькій прочелъ здѣсь новое свое произведеніе „О писателѣ, который зазнался“. Между прочимъ, тамъ находились такія слова:

„Мнѣ думается, что вы не настоящіе читатели, а почитатели. Читатель—онъ знаетъ, что важнѣе не человѣкъ, а духъ человѣческій, и писателя не разглядываетъ, какъ теленка о двухъ головахъ. Онъ его читаетъ, но ему не вѣрить, онъ надъ книгой самъ думаетъ: вотъ это такъ, а это не такъ. А подумавъ, дѣлаетъ что-нибудь хорошее, и это хорошее потомъ называется исторіей; вы же, господа, творите не исторію, а скандалы... Ну, много ли среди васъ настоящихъ людей? Можетъ быть, человѣкъ пять на тысячу найдется такихъ, которые страстно вѣрятъ, что человѣкъ есть владыка и творецъ жизни, а право его—свободно думать, говорить, ходить,—святое право... можетъ быть только пять изъ тысячи способно бороться за это право, и безъ страха погибнуть въ борьбѣ за него... Большинство изъ васъ рабы жизни или наглые хозяева ея,—и вы всѣ, кроткіе мѣщане, временно заступающіе должности настоящихъ людей“....

Рассказъ произвелъ впечатлѣніе; многіе возмущались; дѣйствительно, прочтенный въ обстановкѣ банкета, и передъ лицами, которыхъ,

несомнѣнно, надо было считать „читателями“, а не „почитателями“, онъ былъ мало умѣстенъ. Но начали произносить хорошаго, свободныя рѣчи по поводу высылки Горькаго, заплели студенческія пѣсни, и ступившаяся было атмосфера постепенно разрѣдилась. Представитель полиціи скромно стоялъ за дверями и не считалъ нужнымъ вмѣшиваться.

7-го ноября 1901 г. состоялись проводы.

Вечеромъ 7-го ноября на московскомъ вокзалѣ собралась большая толпа провожающихъ; при появленіи М. Горькаго его горячо приветствовали; затѣмъ наскоро, боясь, чтобы „недремлющее око“ не пресѣкло, были прочтаны адреса различными депутатами; между прочимъ, была депутация съ ниже-базарнаго „дна“, отъ „босьяковъ“.

Группа молодежи заплѣла пѣсню въ залѣ 1-го класса, но пѣніе сейчасъ же было прекращено насторожившимися уже жандармами; также не имѣла успѣха попытка одного изъ молодыхъ людей прочесть прощальное стихотвореніе; оно начиналось такъ:

Прощай, писатель нашъ любимый,
Надолго, можетъ-быть, прощай!
Слѣпою силою гонимый
Ты покидаешь волжскій край!

и оканчивалось:

.. Но часъ пробьетъ—и соколъ смѣлый
Широко крыльями взмахнетъ,
И насъ съ собой рукою умѣлой
Къ свободѣ, къ свѣту поведетъ!...

При выходѣ на платформу, пѣли революціонныя пѣсни.

Жандармы и городовые ничего не могли сдѣлать. Несмотря на вьюгу, толпа съ пѣніемъ пошла черезъ ледъ и далѣе по городу на Покровку, изумляя сонныхъ обывателей. Полицеймейстеръ Яковлевъ прозѣвалъ тогда „незаконное сборище“, вслѣдствіе чего и поплатился своей карьерой. Черезъ день разнеслись слухи объ арестѣ Горькаго въ Москвѣ, о чемъ въ Нижнемъ объявила во всеуслышаніе одна дѣвушка въ театрѣ. Но потомъ оказалось, что въ виду готовившейся встрѣчи Горькаго въ Москвѣ и предполагавшейся демонстраціи, администрація распорядилась отгнать вагонъ съ писателемъ передъ московско-нижегородскимъ вокзаломъ, и соединительными путями направила его на курскую дорогу.

Несмотря на это, внушительная демонстрація произошла и въ Москвѣ; не встрѣтивъ писателя, толпа, около трехъ тысячъ человѣкъ, съ пѣніемъ шла до университета, гдѣ была разогнана.

По возвращеніи изъ Крыма Горькому не было дозволено жить въ Нижнемъ. Онъ избралъ для жительства г. Арзамасъ тогда только что соединенный съ Нижнимъ желѣзной дорогой, и прожилъ тамъ лѣто 1902 года съ семьей. Онъ поселился на главной улицѣ сего богоспасемаго града, издали красиваго, внутри же полнаго всякой скверны и нечистоты. Въ домѣ, гдѣ жилъ Горькій, впоследствии помѣстилась учительская семинарія.

Здѣсь Горькаго посѣщали многіе писатели, пѣвцы, и просто знакомые; коренные арзамасцы, отнеслись къ нему съ опаскою: „высланный, поднадзорный, какъ бы чего не вышло“....

Во время гастролей Шалапина въ армарочной оперѣ, Горькій, бывший съ нимъ въ большой дружбѣ, нѣсколько разъ наѣзжалъ въ Нижний.

Конечъ 1904 года застасть М. Горькаго въ Нижнемъ, гдѣ онъ, совмѣстно съ интеллигенціей принимаетъ близкое участіе въ выработкѣ заявленія отъ лица общества и земскихъ служащихъ, прочтеннаго затѣмъ на губернскомъ земскомъ собраніи.